

ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ

текущий момент
и другие пьесы

Виктор Шендерович

**«Текущий момент»
и другие пьесы**

«WebKniga»

2012

Шендерович В. А.

«Текущий момент» и другие пьесы / В. А. Шендерович — «WebKniga», 2012

Виктора Шендеровича нет нужды представлять читателю – такова широко распространенная и глубоко неверная точка зрения. Вот уже в третий раз издательство «Время» вынуждено заново представлять одного из наших самых остроумных, ехидных и политически озабоченных писателей. Сначала как серьезного поэта («Хромой стих»), потом как серьезного прозаика («Кинотеатр повторного фильма», «Схевенинген»), а теперь и как серьезного драматурга. Серьезного в обоих смыслах слова – то есть, во-первых, строящего свои произведения вовсе не обязательно на основе юмора, и, во-вторых, нешуточно талантливого во всех литературных жанрах.

© Шендерович В. А., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

Два ангела, четыре человека (2001)	5
Действующие лица	6
Первый акт	7
Второй акт	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Шендерович

«Текущий момент» и другие пьесы

Два ангела, четыре человека (2001)

комедия

Спасибо Владимиру Владимировичу Путину

Весной 2001 года он с группой товарищей избавил меня от еженедельной трудовой повинности по написанию программы «Куклы». Образовался внезапный досуг, и я начал шарить по закромам собственного компьютера, перебирая обломки текстов, не доведенных до ума.

И наткнулся на полторастраничный диалог, лежавший в запасниках с неведомых времен – диалог человека с ангелом смерти. Сценка была вкусная, в ней чудилось развитие, но развития не было еще довольно долго, и я брел наощупь.

И, кажется, выбрел: в пьесе появился первый поворот, а за ним открылся вполне драматический пейзаж...

Пьесу я понес, разумеется, в «Табакерку». Разумеется, – потому что студия Табакова была мне родным домом, страшно сказать, с осени 1974 года: в золотые руки Олега Павловича я попал десятиклассником.

С тех пор я был в этом любимом подвале и студийцем, и педагогом, и даже пожарным (надо было кормить новорожденную дочку, а государство рабочих и крестьян готово было платить мне деньги только за сидение у брандспойта).

Потом сменилась парочка эпох, и наконец в 2002 году список моих «табакерских» профессий продлился словом «драматург». Как Максудов из булгаковского «Театрального романа», я стоял перед афишей, где мое имя маячило аккурат между Томасом Манном и Федором Достоевским. Неплохо устроился.

Пьесу поставил неистовый и конфликтный Валерий Сторчак, кое-что на финишной прямой доводил до ума сам Табаков... Спектакль идет одиннадцатый сезон – милости просим!

Если вы живете ближе к другому концу страны, то милости просим в Петропавловск-Камчатский – там теперь тоже есть «Два ангела». Свои ангельские пары завелись за это десятилетие в Днепрпетровске, Одессе, Йошкар-Оле... В польском Калише звонок в квартиру гражданина Пашкина звонит мелодией гимна СССР, а ангел смерти оказывается женщиной предпенсионного возраста. Всякое бывает...

Смотреть спектакль легко – ты плывешь по реке пассажиром.

Чтение пьесы – дело другое: ты сам на веслах. Зато есть счастливая возможность двигаться в своем темпе и причаливать в лучших местах... Так что милости просим к Ивану Андреевичу Пашкину, по адресу: Москва, Пятая Прядильная улица, дом три, квартира сорок – там сейчас такое начнется!

Действующие лица

ПАШКИН ИВАН АНДРЕЕВИЧ, человек

Некто СТРОНЦИЛЛОВ

НОТАРИУС

ВРАЧ

САНИТАР

ЛИКВИДАТОР

Первый акт

Ночная квартира. ПАШКИН лежит на кровати, на груди клавиатура компьютера, курит, шарит по интернету; потом снимает трубку и набирает номер.

ПАШКИН. Леха! Ты корм уже взял? Собачий, «какой» – ты спишь, что ли? На том свете выспишься! Сам ты дурак. И баран к тому же. Ты корм взял? Вот и баран. Договорился или бабки отдал? И не отдавай. Потому что я нашел по восемьдесят пять центов – и их склад! В интернете, где. А ты где нашел? Темный ты, Леха. Конкретный валенок! Третье тысячелетие, а ты газеты читаешь. Забуди! У кого сайта нет, того, считай, вообще не существует. А так! Завтра даешь им отбой. Конец связи. Спи!

Вешает трубку, встает, бредет в кухню; наливает чай. В это время и раздается нежный звонок в дверь.

ПАШКИН *(подойдя к двери)*. Кто?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ *(жарким шепотом)*. Я.

ПАШКИН. Танька, ты, что ль?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ. Я. Открывай.

Жилец открывает дверь. За дверью стоит мужчина в строгой одежде, в шляпе.

МУЖЧИНА. Пашкин Иван Андреевич?

ПАШКИН. Да.

МУЖЧИНА *(поет из «Пиковой дамы»)*. «Не пугайтесь, ради бога, не пугайтесь...» *(Снимая шляпу.)* Стронциллов Агриппа Семенович. Не советую.

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Пытаться закрыть дверь. Я войду? *(Отодвигает Пашкина, проходит в квартиру и останавливается, осматриваясь.)* Так. Примерно то, что я и предполагал.

ПАШКИН. Э! Что задела?

СТРОНЦИЛЛОВ. Дела серьезные. Уж мне можете поверить.

ПАШКИН *(неуверенно)*. А ну давай отсюда.

СТРОНЦИЛЛОВ *(отсмеявшись вполне искренне)*. Смешно.

ПАШКИН. Вы кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. Я скажу, скажу. Не все сразу.

ПАШКИН. Я сейчас вызову милицию!

СТРОНЦИЛЛОВ. Господи! Везде одно и то же... У вас пятьдесят первое отделение?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ *(сидя на стул)*. Телефон 165-01-18. Дежурный сегодня – старший лейтенант Кожухов. Не стесняйтесь, прошу вас.

ПАШКИН *(с трубкой в руках)*. Я звоню.

СТРОНЦИЛЛОВ. Я вижу.

ПАШКИН. В чем дело?

СТРОНЦИЛЛОВ. Перепись населения.

ПАШКИН. Какая перепись?

СТРОНЦИЛЛОВ. Практически всеобщая. Учет, контроль. Статистика...

ПАШКИН. Какая статистика? Ночь!

СТРОНЦИЛЛОВ. Самое время. Вы садьте... *(Вдруг, резко.)* Сядьте!

Пашкин садится.

СТРОНЦИЛЛОВ. И трубочку положите. Себя же задерживаем, гражданин. Ну вот, другой разговор. Начнем. Значит...

Стронциллов одним пальцем нажимает клавишу на клавиатуре компьютера, и на экране загорается фотография Пашкина и его анкетные данные...

СТРОНЦИЛЛОВ...Пашкин Иван Андреевич? На меня посмотрите, пожалуйста. На меня, говорю, посмотрите! Ага. Отлично. А то, бывает, человек давно переехал, а мы вместо него – другого... Непорядок. Ну что же, приступим...

Щелкает мышью, и из принтера начинают лезть распечатанные листы бумаги.

ПАШКИН *(установившись на экран)*. Что это?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это – наш сайт. *(Забирает первые несколько листов из принтера.)* Так! родились вы, стало быть, в Москве, 6 мая 1954 года... Хороший был денек, да?

ПАШКИН. Я не помню.

СТРОНЦИЛЛОВ. Бром надо пить, для памяти. Хороший был день, можно сказать, прекрасный: солнечный, плюс двадцать, по области до двадцати трех, ветер юго-восточный, умеренный. Ну ладно. *(Пишет.)* Значит, одна тысяча девятьсот пятьдесят четыре *(стучит по клавиатуре)* – тире... Сейчас какой год?

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Какой у нас сейчас год?

ПАШКИН. Две тысячи... А почему тире? Не надо тире!

СТРОНЦИЛЛОВ. Что вы так испугались?

ПАШКИН. Ничего я не испугался! Не надо тире!

СТРОНЦИЛЛОВ. А запятую можно?

ПАШКИН. А что после запятой? Что вы хотите написать?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не волнуйтесь так. Ничего особенного не напишу. Всё как у всех.

ПАШКИН. Это не перепись.

Пауза.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну да. Некоторые действительно догадываются сами. А ведь есть такие, которым и за ночь не растолкуешь. Вы уж простите мне этот спектакль. Инструкция. Они там *(указывает вверх)* требуют подготавливать человека, примирять его сознание постепенно... А я считаю, ложь унижает. Правда?

ПАШКИН *(автоматически)*. Правда.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну вот и славно. Тем более – что за нее цепляться, за жизнь? Такая гадость. Значит, на чем мы остановились? Годы жизни. Одна тысяча девятьсот пятьдесят четвертый...

ПАШКИН. Нет! Не пишите ничего! Пожалуйста!

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну вот, опять.

ПАШКИН. Вышутите. Это шутка!

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, я все-таки не понял – что мы с вами решили? Будем по инструкции подготавливать сознание... до второго пришествия – или приступим? *(Пауза.)* Приступим. Для начала – необходимые формальности... Фамилия, имя, отчество, адрес, годы жизни... *(вписывает)* – готово... Вероисповедание?

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. В бога верите? Если да, укажите, в какого, сколько лет...

ПАШКИН. Я верю.

СТРОНЦИЛЛОВ (*терпеливо*). В какого, сколько лет...

ПАШКИН. В Христа. Недавно.

СТРОНЦИЛЛОВ. Католицизм, протестантизм, ортодоксальная церковь, адвентизм?

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, давайте как-то соберемся. У меня опросный лист на сорок пунктов – эдак мы до утра не закончим, а вы не один.

ПАШКИН. Послушайте... Простите, я забыл, как вас зовут.

СТРОНЦИЛЛОВ. У меня нет имени.

ПАШКИН. А вот вы говорили...

СТРОНЦИЛЛОВ. Я шутил.

ПАШКИН. Как же мне к вам обращаться?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не надо вам ко мне обращаться. Отвечайте на вопросы – и всё.

ПАШКИН. Давайте поговорим.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не вижу предмета для разговора.

ПАШКИН. Но ведь речь идет о моей жизни!

СТРОНЦИЛЛОВ. Жизнь ваша, Иван Андреевич, тут уже ни при чем. Это было ваше личное дело, как жить; мы не вмешивались – хотя, не скрою, от увиденного не в восторге. Кто в 65-м году украл блок марок?

ПАШКИН. Блок марок?

СТРОНЦИЛЛОВ. У Пети Коняева, в Трехпрудном переулке, на дне рождения, с открытой полки.

ПАШКИН. О Господи!

СТРОНЦИЛЛОВ. Господь не крал марок, Иван Андреевич. Это вы ерунду говорите. Марки украли вы. Да? (*Пашкин кивает.*) Да. Красивые были, серия «Вооруженные силы СССР», если я не ошибаюсь... Я не ошибаюсь?

ПАШКИН. Нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Восемь штук, с зубчиками. А похвастаться перед одноклассниками нельзя. Тоска... Но, я думаю, это ведь мелочи, правда? Босоногое детство?

Пашкин кивает.

А кто настучал старшине Зуеву на товарища по взводу? В учебке, в 73-м? Кто сказал этой скотине, что курсант Кондратьев (*берет очередные листы из принтера, читает*) «критическими высказываниями подрывает обороноспособность подразделения»?

ПАШКИН. Не я.

СТРОНЦИЛЛОВ. Что?

ПАШКИН. Я.

СТРОНЦИЛЛОВ. Никогда не врите мне больше.

ПАШКИН. Я заблуждался. Но я осознал.

СТРОНЦИЛЛОВ. А-а, ну да: вы самосовершенствовались.

Пашкин кивает.

Росли над собой.

Пашкин кивает.

Работа души?

Пашкин неопределенно кривится.

А кто подсиживал товарищей по работе? Кто устраивал частную лавочку из госфондов? Кто в 81-м году сделал ребенка гражданке Антиповой и запугал эту дуру, чтобы денег не платить? Кто всемерно одобрял и поддерживал политику партии и правительства?

ПАШКИН. Это все делали.

СТРОНЦИЛЛОВ. И каждый ответит за себя!

ПАШКИН. А Антипову я чего-то не помню... *(Встречает глаза Стронциллова.)*
Вспомнил.

СТРОНЦИЛЛОВ. Дрянь вы, Иван Андреевич.

ПАШКИН. Дрянь. Ничтожество!

СТРОНЦИЛЛОВ. Вы обманывали женщин, детей и целые коллективы трудящихся.

ПАШКИН. Да, да! Я жил в грехе, вы еще не все знаете...

СТРОНЦИЛЛОВ. На это – даже не надейтесь. И так...

ПАШКИН. Стыд, стыд! Иногда просыпаешься среди ночи и думаешь: Господи, как я жил, что делал?

СТРОНЦИЛЛОВ. И что отвечает Господь?

ПАШКИН. Он простит меня! Простит! *(Истово крестится.)* Господи! Виноват! Исправлюсь!

СТРОНЦИЛЛОВ. Куда вы всей пятерней-то?

ПАШКИН. А что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Пальцев сколько должно быть?

ПАШКИН. Где?

СТРОНЦИЛЛОВ. В кресте! *(Пауза.)* Иван Андреевич! Прошу вас отныне не упоминать более имени Господа. Вам недолго осталось, потерпите.

ПАШКИН. Не говорите так! Пожалуйста...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну что же. С вероисповеданием в общих чертах ясно – идем дальше.

ПАШКИН. Не надо дальше! Помогите мне! Я хочу очиститься!

СТРОНЦИЛЛОВ. Ваши желания совпадают с нашими возможностями. Чистилище ждет вас.

ПАШКИН. Кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. Да вы, Иван Андреевич, Данта не читали.

ПАШКИН. Не читал. А у вас есть? Я прочитаю – верну!

СТРОНЦИЛЛОВ. Давайте вернемся к опросному листу.

Забирает из принтера оставшиеся листы, аккуратно складывает их и прищелкивает держателем для бумаг.

СТРОНЦИЛЛОВ. Семейное положение: разведен; имеется сын. Так?

ПАШКИН. Так.

СТРОНЦИЛЛОВ *(изучая бумаги)*. Алименты вы платили маленькие, Иван Андреевич. Утаивали доходы. Собственного сына обворовывали. Просто чудо, что вы за человек... были.

ПАШКИН. Не говорите так! Пожалуйста!

СТРОНЦИЛЛОВ. Тише вы...

ПАШКИН. Дайте мне шанс. Я хочу исправиться, я хочу приносить пользу людям.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не морочьте мне голову! Вы хотите жить. Просто – жить! Жрать, пить, трахаться с соседкой и смотреть футбол. Нет?

ПАШКИН. Да. Грешен...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ничего не грешен! Все этого хотят. Только не надо мне про пользу людям, я зверею от этого. У вас коньяк есть?

ПАШКИН. Коньячок-то? Господи, да... (*Осекается под взглядом Стронциллова.*) Есть. Найдем! (*Роется в холодильнике.*) Вот. Только армянский. Годится? Или я сбегая за французским? У нас внизу круглосуточный...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сидеть!

Пашкин садится.

Давайте армянский.

ПАШКИН. Он хороший, пять звезд. А закусить? Сыр есть, я шас мигом нарежу...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сядьте вы. Сядьте!

Пауза. Стронциллов наливает обоим.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, со свиданьем.

ПАШКИН (*осторожно*). Будем здоровы.

Пьют.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не хочется, значит... со мною?

ПАШКИН. Не хочется.

СТРОНЦИЛЛОВ. Зря. Там любопытно.

ПАШКИН. Где?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну вообще. За пределом.

ПАШКИН. Расскажите.

СТРОНЦИЛЛОВ. Сами увидите.

Пашкин наливает себе стакан коньяка и выпивает.

СТРОНЦИЛЛОВ. Здоровье вы не бережете, Иван Андреевич. А впрочем, что уж теперь...

Пашкин начинает тихонечко выть.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, ну... Что вы, как маленький.

ПАШКИН. Почему я?

СТРОНЦИЛЛОВ. Что?

ПАШКИН. Почему – меня?

СТРОНЦИЛЛОВ. Станный вопрос. И даже глупый, пожалуй. Нипочему. Компьютер выбросил ваш номер, вот и всё. Божья воля.

ПАШКИН. Это нечестно. Вон, старики живут, бабки... Вон их сколько, ползают у подъезда, бери любую...

СТРОНЦИЛЛОВ. Невозможно. Есть квоты на поколения.

Компьютер выбрал вас – значит, пора. Бояться не надо.

ПАШКИН. Что со мною будет?

СТРОНЦИЛЛОВ. Англичане называют это: присоединиться к большинству. Одним словом, с вами будет то же, что со всеми. После завершения необходимых формальностей здесь появится ангел-ликвидатор. Существо неприятное, но квалифицированное. Будет больно, но недолго. Потом тело ваше останется здесь, а душу он заберет с собой.

ПАШКИН. ну да? Где буду я?

СТРОНЦИЛЛОВ. Как вам сказать... Чувства ваши исчезнут. Время застынет эдаким студнем, пространство съжится до нейтрона...

ПАШКИН. А нейтрон – это сколько?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это, Иван Андреевич, практически с гульки хер. И там, внутри, будете вы – в виде некоторой субстанции. Представили?

ПАШКИН. Нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Уж и не знаю, как вам доступнее объяснить.

ПАШКИН. Но я буду? Я – где-то – буду?

СТРОНЦИЛЛОВ. Как файл – в сжатом виде. Теперь ясно?

ПАШКИН. Не очень. А скажите, вообще: с компьютером этим... с Божьей волей... нельзя что-нибудь сделать?

СТРОНЦИЛЛОВ. А зачем?

ПАШКИН. Вам незачем, а мне бы хотелось...

СТРОНЦИЛЛОВ. Что: так охота – здесь? В этой нравственной грязи?

ПАШКИН. Да. Очень.

СТРОНЦИЛЛОВ. С Божьей волей ничего сделать нельзя.

ПАШКИН. Но попробовать-то можно? Один разик.

СТРОНЦИЛЛОВ. Интересно, и кого же вы предлагаете изъять вместо себя?

ПАШКИН. Господи!.. Да хоть кого.

СТРОНЦИЛЛОВ. Конкретнее.

ПАШКИН. Да вон же, говорю, бабульки! Они еще при царизме родились, у них чувства исчезли давно, вы придете – они и не заметят...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сейчас все брошу и пойду искать бабулек.

ПАШКИН. Хорошо! Чтобы далеко не ходить, возьмите вот этого... из сто второй.

СТРОНЦИЛЛОВ. Почему его?

ПАШКИН. А почему нет? Такая тварь. Живет не прописанный, баб водит каждый вечер, черте чего из-за стенки слышно. Три года сидел, а как освободился, родную тетку выселил в Мытищи...

СТРОНЦИЛЛОВ. Как звать?

ПАШКИН. Толиком.

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне фамилия нужна. И данные.

ПАШКИН. Это – момент. *(Снимает трубку, начинает набирать номер.)* Что у него на конце?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам виднее.

Пашкин угодливо смеется и набирает последнюю цифру.

ПАШКИН. Алло! Анатолий? Простите, что поздно звоню – это из сто третьей, сосед ваш. Анатолий... ой, простите, я даже фамилии вашей не знаю... *(Пишет рукой в воздухе, и Стронциллов, поняв, отдает ему ручку.)* Ага! А по отчеству? Вот спасибо. *(Записывает.)* Анатолий Петрович, тут такое дело... У вас день рождения – когда? Понял. Не юбилей случайно? А сколько? Вот и ладушки. Угадали: подарок хочу сделать. Почему ночью? А вот, поверите, не мог уснуть – как бы, думаю, не пропустить, поздравить соседа... Спокойной ночи! *(Вешает трубку.)* Только группу крови не сказал.

СТРОНЦИЛЛОВ. А не жалко его?

ПАШКИН. Толика-то? Ну жалко, а что делать?

СТРОНЦИЛЛОВ. Понятно. Угу... *(Раздумывает.)* Еще варианты есть?

ПАШКИН. В смысле, на убытие?

СТРОНЦИЛЛОВ. Да.

ПАШКИН. В этом доме?

СТРОНЦИЛЛОВ. Желательно.

ПАШКИН. Из сто тридцать пятой. Имени не знаю, знаю номер машины. «Жигуль», под окном стоит, и каждую ночь – сигнализация! Иногда несколько раз за ночь. Ветер на нее подует или птичка покакает, и сразу: уи-и-и, уи-и-и... энь-энь-энь-энь... а-а-а-а, а-а-а-а! А у самого – окна на другую сторону, и спит, сволочь!

СТРОНЦИЛЛОВ. За это, конечно, надо убивать.

ПАШКИН. Нет, ну зачем убивать. Но если все равно кого-то полагается – на убытие, то... Только хорошо бы – вместе с машиной.

СТРОНЦИЛЛОВ. Прекрасный план!

ПАШКИН. Нет, правда?

Пауза.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну вы и дрянь...

ПАШКИН. Нет!

СТРОНЦИЛЛОВ. Дрянь! Тварь мелкая! Одного дня нельзя такого терпеть на Земле!

ПАШКИН *(бухаясь на колени)*. Простите меня! Простите! Я не хотел!

СТРОНЦИЛЛОВ. Встать! Сидеть!

Пашкин отползает и садится.

Стронциллов расчищает место на столе и снова берет листы.

Пашкин Иван Андреевич. Годы жизни... Вероисповедание...

Краткая биография... Ненавижу!

ПАШКИН. За что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Я – не вас. Вы – частный случай... Я человечество ненавижу.

ПАШКИН. Вообще, да. Вообще мы тут, конечно... Выпьем?

Стронциллов кивает после паузы. Пашкин наливает в два стакана – и немедленно выпивает свой.

СТРОНЦИЛЛОВ. Как вы за жизнь цепляетесь, Иван Андреевич, неловко смотреть.

ПАШКИН. Да... Вам чего... Вы ж небось бессмертный.

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот не в свое дело вы не лезьте! Бессмертный. Временно.

ПАШКИН. Как это?

Стронциллов выпивает свой стакан. Некоторое время после этого они рассматривают друг друга.

Слушайте, вы кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. Спокойно! Я ангел.

ПАШКИН. А крылья? Где крылья?

СТРОНЦИЛЛОВ. Отпали в процессе эволюции. Я ангел-наместник по Восточному административному округу Москвы. Курирую таких вот, как ты, моральных уродов. ПАШКИН. Дать бы тебе в рыло напоследок.

СТРОНЦИЛЛОВ. Дурак ты... «Напоследок». У тебя, может, все только начинается. А перспективы – неясные. Такие неясные, что не приведи Господи... Тебе меня любить надо, а не в рыло. Я тебе пригодиться могу.

ПАШКИН. Говори... те.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ишь ты, какой шустрый. Проехали! (*Закусывает.*) А квартирка у вас ничего. И планировочка улучшенная... Сколько квадратов?

ПАШКИН. Сто двадцать пять.

СТРОНЦИЛЛОВ. И почему метр?

ПАШКИН. А что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ничего, так... Интересно, откуда столько денег у бывших строителей коммунизма.

ПАШКИН. Заработал.

СТРОНЦИЛЛОВ. В процессе приватизации Родины?

ПАШКИН. Коммунизма все равно не получалось.

СТРОНЦИЛЛОВ. Коммунизм... Вы воду за собой спускать научитесь сначала. Что молчишь?

ПАШКИН. Так...

СТРОНЦИЛЛОВ. Выпьем?

ПАШКИН. Выпьем.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну... Понеслась душа в рай?

ПАШКИН. За то, чтоб не в последний.

Выпивают.

Расскажите: что – там?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вообще интересуетесь, Иван Андреевич – или, как всегда, хлопчете конкретно насчет себя?

ПАШКИН. Насчет себя.

СТРОНЦИЛЛОВ. Молодец. Не соврал. (*Вздыхает.*) Насчет вас – не скрою, вопрос в первой инстанции решен отрицательно. Перспективы, как я уже сказал, неясные.

ПАШКИН. Что это значит?

СТРОНЦИЛЛОВ. Будут рассматривать персональное дело. Взвешивать все «за» и «против».

ПАШКИН. Кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. А?

ПАШКИН. Кто будет взвешивать?

СТРОНЦИЛЛОВ. Там есть кому. Ну, и решат. Если решение первой инстанции подтвердится, душа ваша поступит в отдел исполнения. У вас, конечно, будет право кассации, но на этом этапе лично я вам помочь уже не смогу.

ПАШКИН. А до этого?

СТРОНЦИЛЛОВ. Что?

ПАШКИН. До этого – сможете?

СТРОНЦИЛЛОВ. В принципе это вообще не мое дело. Я, видите ли, технический работник: пришел, оформил документы, вызвал ликвидатора, передал душу по инстанции... Но, чисто теоретически, возможности, конечно, есть.

ПАШКИН. Я прошу вас...

СТРОНЦИЛЛОВ. Я же сказал: чисто теоретически! А вас, насколько я понимаю, интересует практика?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Практика в вашем случае такая, что помочь очень сложно. Защите практически не за что зацепиться. Даже луковки нет.

ПАШКИН. Кого?

СТРОНЦИЛЛОВ. Луковки.

ПАШКИН. У меня внизу круглосуточный...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сядьте! Что ж вы, и Достоевского не читали?

ПАШКИН. Расскажите про Достоевского. И про луковку.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну... Жила одна баба, злющая-презлющая. И померла. И поволокли ее черти в ад. А ангел ее хранитель, озадаченный, стоит и думает: как бы душу ее спасти? Подумал – и говорит... *(Вздыхает, глядя на Пашкина.)* Поздно пить боржом.

ПАШКИН. Так и сказал?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вот так и сказал. Ладно! Давайте лучше пофантазируем... пока время терпит. Вы – не торопитесь?

ПАШКИН. Нет-нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Тогда... *(Наливает.)* Ну? Погнали наши городских?

ПАШКИН. За мир во всем мире.

Пьют.

СТРОНЦИЛЛОВ. Значит, Пашкин Иван Андреевич...

ПАШКИН *(тактично)*. Вы хотели пофантазировать.

СТРОНЦИЛЛОВ. Да. Представьте себя ангела, Иван Андреевич. Рядового ангела, вроде меня. Представили?

ПАШКИН. В общих чертах.

СТРОНЦИЛЛОВ. А конкретней и не надо. И вот он мотается по белу свету столетия напролет, исполняя волю Божью. А воля Божья – это такая штука, что увидеть – не приведи Господи. То есть, может, первоначально внутри была какая-то высшая логика, но в процессе сюжета всё расползлось в клочья и пошло на самотек. Вы же сами видите. Убожество и мерзость. Твари смердящие в полном шоколаде, праведники в нищете. Дети умирают почему зря. Смертоубийство за копейку; за большие деньги – массовые убийства. Или война за идею – тогда вообще никого в живых не остается. И на всё это, как понимаете, воля Божья... Хорошо ли это?

ПАШКИН. Не знаю.

СТРОНЦИЛЛОВ. А вы не бойтесь, Он не слышит.

ПАШКИН. Как это?

СТРОНЦИЛЛОВ. А так – не слышит. Вы Всевышнего с гэбухой своей не путайте. Он прослушкой не занимается. И потом, это раньше: Каин, Авель, Авраам, Исаак – и все под контролем. А теперь вас тут шесть миллиардов, поди уследи.

ПАШКИН. За мной уследили.

СТРОНЦИЛЛОВ. Так это я же и уследил. Выборочное подключение к линии жизни. А сам Господь давно ничего не делает. Он свое сделал. Энтузиазм прошел; в человечестве разочаровался так, что и передать невозможно. Не в коня, говорит, корм. Прав?

ПАШКИН. Не знаю. Наверное...

СТРОНЦИЛЛОВ. Вот то-то. Брат на брата идет, страха истинного нет, руки заточены под воровство, двоемыслие ужасающее... А кто без двоемыслия – те вообще от конца света в двух шагах. Фанатиков как саранчи. А Он активистов на дух не переносит. Что ортодоксы,

что фундаменталисты... одна цена. Инквизиция – тоже молодцы ребятки, пол-Европы изжарили во имя Отца и Сына.

ПАШКИН. Что же Он не вмешивается?

СТРОНЦИЛЛОВ. Он не милиция, чтобы вмешиваться! Он хотел одушевить материю – а дальше чтобы она сама... А материя из рук вырвалась. Он сказал: плодитесь и размножайтесь, а кто размножается быстрее всех, знаете? То-то и оно. Крысы и бацилльная палочка. А вы руки перед едой не моете.

ПАШКИН. Я сейчас...

СТРОНЦИЛЛОВ. Сидеть!

ПАШКИН. Сажу.

СТРОНЦИЛЛОВ. После знаменитой европейской чумы 1348 года Господь и захандрил по-настоящему. Сломался старик. Потом дарвинизм пошел – а Он уж сквозь пальцы на это... пускай, говорит, живут, как хотят... А после Первой мировой вообще забил на всё. И то сказать: до иприта и Хиросимы Господь додуматься не смог, это уж вы сами... *(Стучит Пашкину пальцем по голове.)* Развилась материя...

ПАШКИН. Хиросима – это не мы.

СТРОНЦИЛЛОВ. А кто?

ПАШКИН. Это американцы!

СТРОНЦИЛЛОВ. Пашкин! Господь таких подробностей не различает. Хиросима, Освенцим, Беломорканал – это Ему один черт! Огорчился Он, рефлексировать начал, как последний интеллигент, дела забросил. Атеистическую литературу читает, мазохист. В тоске насчет содеянного сильнейшей... Хотел, говорит, как лучше...

ПАШКИН. Кому говорит?

СТРОНЦИЛЛОВ. В том-то и дело – кому! Да кто Ему потом отвечает... Святых набежало ото всех конфессий, отрезали Всевышнего от рядовых ангелов; все подходы перекрыли, между собой за ухо Господне воюют. Молитвы идут со всех сторон, сами понимаете, взаимоуничтожающие... отсюда на иврите, оттуда на арабском – прошу представить обстановочку. Лоббирование идет в открытую: то харе кришна, а то и аллах акбар. Короче, бардак такой, что ни в сказке сказать. И вот этот ангел...

ПАШКИН. Какой?

СТРОНЦИЛЛОВ. О котором мы с вами фантазируем. Однажды он решает пробиться к Господу и рассказать ему всю правду... с примерами из жизни. Чтобы второе дыхание Всевышнему открыть. Чтобы снова Божья Воля была, а не дрызги межконфессиональные! Чтобы единым камертоном сферы небесные настроить – и человечество в чувство привести. Понимаете?

ПАШКИН. Типа – чтобы порядок был.

СТРОНЦИЛЛОВ. Типа того.

ПАШКИН. И что, получилось... пробиться?

СТРОНЦИЛЛОВ. Получилось. Пробился.

ПАШКИН. Вы видели Господа?

Пауза.

СТРОНЦИЛЛОВ. При чем тут я?

ПАШКИН. Так ведь...

СТРОНЦИЛЛОВ. Молчать! Ишь, губу раззявил.

ПАШКИН. Так ведь интересно.

СТРОНЦИЛЛОВ. Плевать я хотел на ваш интерес, Пашкин! Ваш интерес я себе представляю. Ада вы боитесь.

ПАШКИН. Боюсь.

СТРОНЦИЛЛОВ. Правильно делаете. Рассказать вам про ад, с картинками?

ПАШКИН. Не надо. Лучше давайте еще – про ангела...

СТРОНЦИЛЛОВ. Не ваше дело.

ПАШКИН. Хорошо. Тогда давайте про меня. Вы говорили – вроде есть возможности...

СТРОНЦИЛЛОВ. Говорил.

ПАШКИН. Так, может...

СТРОНЦИЛЛОВ. Может, может. Не суетитесь, Иван Андреевич. Договоримся. Зря я, что ли, битый час политинформацию вам делаю...

ПАШКИН. Спасибо! Вы мне с самого начала понравились.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вы субъект! (*Смеется.*)

ПАШКИН (*с готовностью подхихикивая*). А то! (*Тянется к бутылке.*) Еще?

Но бутылка уже пуста. Пашкин ставит ее под стол и лезет в холодильник.

ПАШКИН. Шампанского?

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне – чуть-чуть.

ПАШКИН. Залакировать... (*Наливает два стакана, доверительно.*) Давайте – за дружбу!

СТРОНЦИЛЛОВ. Между нами, что ли?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не чокаясь.

Пьет. Включает радио, и в эфир врывается бодрое:

– Не надо печалиться, вся жизнь впереди,
Вся жизнь впереди, надейся и жди!

ПАШКИН. Выключите это! Пожалуйста.

СТРОНЦИЛЛОВ. Извините.

Стронциллов выключает радио. Пауза.

ПАШКИН. Расскажите мне.

СТРОНЦИЛЛОВ. Про условия содержания? Вот! – взрослый разговор, другое дело. Рассказываю. Решением первой инстанции вам было предписано смотреть вашу собственную жизнь. Многократно, до конца вечности, с замедленными повторами самых стыдных минут. Исправить ничего нельзя, попросить нельзя; закрыть глаза тоже нельзя, только смотреть... Безъязыкий дух в страдании. Но я в принципе договорился, и вашу сволочную жизнь вам покажут только один раз, причем самые стыдные минуты – на быстрой перемотке. Плюс к этому, по нашей дружбе, я попрошу, чтобы вам давали немного сна.

ПАШКИН. Зачем вы так сказали?

СТРОНЦИЛЛОВ. Как?

ПАШКИН. Про сволочную жизнь. У меня не сволочная жизнь... была.

СТРОНЦИЛЛОВ. А какая же, по-вашему?

ПАШКИН. По-разному было. Но хорошим человеком я тоже бывал.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вот интересно. Это когда же?

ПАШКИН (*подумав*). В детстве.

СТРОНЦИЛЛОВ. Это когда кузнечикам лапки отрывали?

ПАШКИН. Нет. Когда отрывал лапки, я был дурак любознательный. А вот когда мама болела, я посуду мыл. Правда-правда. Мыл посуду и в магазин ходил. Жалко ее было.

СТРОНЦИЛЛОВ. Всё?

ПАШКИН. Нет. Еще за сестру в глаз дал однажды... одному. И другому дал. А еще – когда любил, был ничего себе... дурной. Сам удивлялся.

СТРОНЦИЛЛОВ. Жену любил?

ПАШКИН. Нет, какую жену... Нет, жену тоже любил, но как-то уже... А вот на «картошке» была одна девочка...

СТРОНЦИЛЛОВ. Брагина Ольга?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Была, действительно. Что же вы на ней не женились?

ПАШКИН. Не знаю. *(Подумав.)* Дурак!

СТРОНЦИЛЛОВ. Дурак. *(Заглядывает в бумаги, удивленно.)* Любила она вас за что-то!

ПАШКИН. А можно мне будет ту «картошку» – без перемотки посмотреть? Все как было. С повторами...

СТРОНЦИЛЛОВ. Я попрошу.

ПАШКИН. Только с повторами, ладно?

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич! Просмотр дней, проведенных вами совместно с Брагиной Ольгой Владимировной, обещаю регулярный, в режиме реального времени, с многократными повторами.

ПАШКИН. До конца вечности?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не меньше.

ПАШКИН. Эх! Ну, тогда... *(наливает)* можно – и файлом... *Пьет.*

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну, вы субъект... Вы даже не представляете, какой вы субъект.

ПАШКИН. Ну почему? Представляю.

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот и нет. Вы – субъект договора...

ПАШКИН. Какого договора?

СТРОНЦИЛЛОВ. Сейчас узнаете. Потому что он – уже в подъезде.

ПАШКИН. Кто в подъезде?

Стронциллов не отвечает, и через несколько секунд раздается звонок в дверь.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вы что, не слышите? Звонят.

ПАШКИН. Кто это?

СТРОНЦИЛЛОВ. А вы откройте дверь, Иван Андреевич, и увидите.

ПАШКИН. Это – за мной?

СТРОНЦИЛЛОВ. Еще нет. Не заставляйте меня вставать. ПАШКИН. Да-да. Сейчас.

Открывает дверь. На пороге стоит МУЖЧИНА.

МУЖЧИНА. Доброй ночи!

СТРОНЦИЛЛОВ. Вы пунктуальны.

МУЖЧИНА. Это моя работа.

СТРОНЦИЛЛОВ. Знакомьтесь: Пашкин Иван Андреевич. А это...

МУЖЧИНА. Нотариус. Просто – нотариус.

СТРОНЦИЛЛОВ. Да. Мне говорили, что вы застенчивый. Документы готовы?

НОТАРИУС. Бумажка к бумажке.

ПАШКИН. Что это?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это, Иван Андреевич, ваше завещание. ПАШКИН. Нет! Пожалуйста!

СТРОНЦИЛЛОВ. Да что ж такое! Полночи уже работаем, пора как-то адаптироваться. Что, в самом деле, за детский сад?

ПАШКИН. Я не хочу завещание! Не хочу!

НОТАРИУС. Кончай базар, сука.

Пауза.

СТРОНЦИЛЛОВ. Видите, Иван Андреевич, что бывает. И, заметьте себе – не в аду, а на земле, в процессе первоначального накопления капитала... Читайте!

ПАШКИН. Я... Я не понимаю. Я не вижу... буквы прыгают.

СТРОНЦИЛЛОВ. Хорошо, можете не читать. Просто подпишите.

ПАШКИН. Да как же? Я не понимаю.

СТРОНЦИЛЛОВ. Понимать тут ничего не надо. А просто – вы завещаете мне принадлежащую вам недвижимость, как то: жилую площадь по адресу – Пятая Прядильная улица, дом три, квартира сорок, со всей обстановкой; земельный участок с домом в поселке Фирсановка по Октябрьской железной дороге...

ПАШКИН. Откуда вы знаете? Ах, да. А зачем вам – недвижимость?

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам она уж точно не понадобится: кутрувы будете недвижимостью сами. Хватит болтовни! Вы – подписываете там, где галочка. Быстро и молча. Затем сюда прибывает ликвидатор, и вы уходите из жизни – по возможности легким способом. Вашим посмертным устройством занимаюсь лично я. Райских куц не обещаю, но вполне терпимые условия обеспечить берусь. Прошу!

ПАШКИН. Но...

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам хотелось бы гарантий?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Их нет. Только мое слово. Им же уверяю вас, что без моей протекции вашей душой распорядятся по справедливости, то есть очень худо – и остаток вечности вы проведете в сильном дискомфорте. Частично – в компании этого господина.

ПАШКИН. Это —?..

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, честное слово, вы меня уморите... Никакой inferнальщины, нотариус здешний. И еще немало разных документов оформит в полном соответствии с законом. У него все впереди.

НОТАРИУС. Давайте перейдем к делу.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ваше дело, милейший, не говорить лишнего. Можете приступать.

НОТАРИУС. Все уже готово, и я здесь. Но – мне бы тоже хотелось гарантий.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вопрос оплаты с вами должны были обговорить.

НОТАРИУС. Его и обговорили. Но, видите ли, деньги – такая тонкая материя...

СТРОНЦИЛЛОВ. Ничего тонкого в этой материи нет. Вам нужен задаток?

НОТАРИУС. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ (*после паузы, Пашкину*). Иван Андреевич, не в службу, а в дружбу: откройте, пожалуйста, левую дверцу серванта; там у вас в пододеяльниках спрятана пачка долларов США. Отсчитайте скорее, ну, скажем, три тысячи – и отдайте нашему новому другу.

ПАШКИН. Это мои деньги!

СТРОНЦИЛЛОВ. Не будем начинать этот разговор сначала, я устал.

ПАШКИН. Это преступление.

СТРОНЦИЛЛОВ. Правда?

НОТАРИУС. Я сам.

Идет к серванту. Пашкин вскакивает, чтобы преградить ему дорогу— и бессильно опускается на стул.

СТРОНЦИЛЛОВ. Вам будет трудно, Иван Андреевич, если вы как можно скорее не свыкнетесь с мыслью о неизбежном.

НОТАРИУС (*уже у серванта*). Есть!

СТРОНЦИЛЛОВ. Возьмите три тысячи.

НОТАРИУС. Понял. (*Начинает отсчитывать деньги.*)

ПАШКИН. Что происходит?

СТРОНЦИЛЛОВ. У нас будет время удовлетворить ваше любопытство. (*Не оборачиваясь.*) Вы захватили пару лишних бумажек, господин нотариус.

НОТАРИУС. Не может быть. Ах, да. Вот, тридцать листов, Бенджамен к Бенджамену, можете пересчитать.

СТРОНЦИЛЛОВ. Мне пересчитывать не надо.

НОТАРИУС. Я готов.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну что, Иван Андреевич? Пора.

Пашкин не шевелится.

НОТАРИУС. Дядя! Завещание подписывать будем? (*Стронциллову.*) Его вдохновить?

СТРОНЦИЛЛОВ. Тщ-щ... Ну что вы. Дело добровольное.

НОТАРИУС. У меня мало времени.

СТРОНЦИЛЛОВ. Иван Андреевич, мы задерживаем человека.

ПАШКИН. Зачем вам моя квартира?

СТРОНЦИЛЛОВ. Какая вам разница?

НОТАРИУС. Покойник! Автограф давай.

ПАШКИН. У меня ручки нет.

НОТАРИУС. Прошу!

Пашкин медлит.

Где галочка. Здесь и здесь.

Пашкин ставит подпись.

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну вот и слава Богу.

конец первого акта

Второй акт

Та же квартира, пару часов спустя. СТРОНЦИЛЛОВ дремлет в кресле; ПАШКИН неподвижно сидит у стола, глядя в одну точку. На столе – следы застолья. За окном начинает звучать сигнализация. Стронциллов просыпается.

СТРОНЦИЛЛОВ. Из сто тридцать пятой, «жигули»?

Пашкин кивает.

СТРОНЦИЛЛОВ (*послушав еще*). Вот же, действительно, гад.

Пауза.

ПАШКИН. Когда он придет?

СТРОНЦИЛЛОВ. Кто? А-а... На рассвете. Да не бойтесь вы. ПАШКИН. Расскажите мне еще...

СТРОНЦИЛЛОВ. Про то, что – за пределом?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. А надо? Успеете еще привыкнуть. Тем более, я же вам пообещал – крайностей с вами не случится. Ада не будет.

ПАШКИН. А что: ад – он какой?

СТРОНЦИЛЛОВ. Кому какой. Босха видели?

ПАШКИН. Кого?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ах ну да. И слава богу, что не видели. Потому что нет этого ничего. Кипящей смолы, костров, чертей с вилами... То есть – есть, но это уже экзотика. Туристические туры для верующих, наглядная агитация... А вообще все гораздо интереснее.

ПАШКИН. Как?

СТРОНЦИЛЛОВ. Я же сказал: кому как. Шелупонь всякая и мучается по-мелкому, а для VIP-клиентов – отдельное обслуживание. Цезарь, например, в каморке маленькой обитает. Там и правит.

ПАШКИН. Кем?

СТРОНЦИЛЛОВ. В том-то и ад его, что – некем. Тараканами руководит. Испанский король Филипп, напротив, во дворце, но пятый век в дыму. Астма у него чудовищная, а дым все валит из-под обоев. И поверите ли: пока все костры, на которых протестантов жарили, по очереди не прогорят, дым не пройдет.

ПАШКИН. Ох ты!

СТРОНЦИЛЛОВ. А вы как думали? Каждому – свое. Мессалина живет в строгом воздержании, Геббельс – среди евреев. Представляете? Геббельс, а вокруг – свитки Торы, семи-свечники, пейсы, маца...

ПАШКИН. Мучается?

СТРОНЦИЛЛОВ. Геббельс-то? Подгрызет.

ПАШКИН. А евреи?

СТРОНЦИЛЛОВ. А они его не видят и не помнят его. Они – в раю.

ПАШКИН. А чего это у вас евреи – в раю?

СТРОНЦИЛЛОВ. Не беспокойтесь, не все. Только те, у которых ад был при жизни...

ПАШКИН. А нотариус? Ваш нотариус – с ним что будет?

СТРОНЦИЛЛОВ. Во-первых, нотариус этот – не мой, а по большому счету – ваш... А будет он, я полагаю, пересчитывать деньги. Много денег, мелочью, все время. А время там не кончается. Уставать будет сильно, но сна не наступит. За этим последят.

ПАШКИН. Кто?

СТРОНЦИЛЛОВ. А вот кто сейчас его курирует, тот и потом последит.

ПАШКИН. Поделом гаду.

СТРОНЦИЛЛОВ. Не стоит злорадствовать. У каждого свой скелет в чулане.

ПАШКИН. У меня нет скелета. У меня и чулана нет.

СТРОНЦИЛЛОВ. Я, Пашкин, про человеческие пороки говорю.

ПАШКИН. А-а. Человеческие пороки у меня есть.

СТРОНЦИЛЛОВ. У всех есть. Хотя, конечно, нотариус – особая статья. Он как раз по завещаниям специализируется... Мне его в аренду дали.

ПАШКИН. Кто дал?

СТРОНЦИЛЛОВ. Какой вы, Иван Андреевич, любознательный! «Кто дал»... Кто надо, тот и дал! И не надо так на меня смотреть – что вы, как маленький, честное слово! Да, мы все в контакте – по вертикали, до самого что ни на есть низу. Этажи разные – система одна.

ПАШКИН. То есть Сатана —?..

СТРОНЦИЛЛОВ. Посол Бога по особым поручениям. (*У Стронциллова звонит мобильный.*) Пардон. (*Всовывает в ухо наушник и нажимает кнопку.*) Алло! «Семнадцатый» на проводе. Да, Пашкина – подтверждаю. Оформляемся помаленьку. (*Пашкину.*) Вы никуда не торопитесь?

ПАШКИН. Нет!

СТРОНЦИЛЛОВ. Тогда еще посидим. (*В микрофон.*) К пяти утра прилетайте. (*Дает отбой.*)

ПАШКИН. Это —?

СТРОНЦИЛЛОВ. Он самый, ангел-ликвидатор. Да не бойтесь вы! Я должен бояться, а не вы.

ПАШКИН. Чего вам бояться?

СТРОНЦИЛЛОВ. Еще не знаю. По обстоятельствам.

ПАШКИН. По каким обстоятельствам? (*Пауза.*) Что у вас за обстоятельства? Зачем вам моя квартира?

СТРОНЦИЛЛОВ. Слишком много вопросов. Даже не знаю, с какого начать.

ПАШКИН. Кто вы?

СТРОНЦИЛЛОВ. Это, Иван Андреевич, самый трудный вопрос. Спросили бы вы меня чего полегче.

Включает радио, шарит по эфиру. Звучит обрывочная околесица.

Никогда не понимал, как это устроено.

ПАШКИН. Что?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну вот, я верчу колесико, а оттуда откуда-то – слова, музыка... У нас там этого никто не понимает...

Замолкает, продолжая шарить по эфиру. Пашкин неотрывно смотрит на Стронциллова.

Ну хорошо, если вы настаиваете на ответе... В настоящий момент официально я – падший ангел. Слышали про такое?

ПАШКИН. Да.

СТРОНЦИЛЛОВ. Что слышали?

ПАШКИН. Ну... Так, вообще.

СТРОНЦИЛЛОВ. Понятно. Ничего не слышали. Тоже хорошо. Потому что все обстоит не вполне так, как описано в художественной литературе. Я, например, не бунтовал против Господа, а пытался исправить положение в рамках существующей системы мироздания.

ПАШКИН. Типа перестройка?

СТРОНЦИЛЛОВ. Ну примерно.

ПАШКИН. И что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.